

Марина Москвина

**МОЯ СОБАКА
ЛЮБИТ ДЖАЗ**

Иллюстрации Леонида Тишкова

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
М82

Серия «Весёлые истории»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении книги использованы иллюстрации
Леонида Тишкова

Москви́на, Марина Львовна
М82   *Моя собака любит джаз / Марина Москвина.* — Мос-
ква: Издательство АСТ, 2017.— 317, [1] с. — (Весёлые
истории).

ISBN 978-5-17-100100-1

Добрые, смешные и нежные рассказы Марины Москвиной успели стать современной детской классикой. Книга «Моя собака любит джаз» удостоилась Международного диплома Андерсена, премии им. Ю. Коваля и многих других наград. И совершенно заслуженно: проза Москвиной не только радует интересными сюжетами, прекрасным литературным языком и узнаваемыми ситуациями, а подчас, наоборот, невероятными приключениями, она настолько жизнеутверждающая и несёт в себе такую порцию тепла и оптимизма, что хватит на всех: на детей, родителей, дедушек и бабушек и даже домашних питомцев.

Увидел и нарисовал героев Марины Москвиной замечательный художник Леонид Тишков.

© Марина Москвина, 2016
© Леонид Тишков, иллюстрации, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

МОЯ
СОБАКА
ЛЮБИТ
ДЖАЗ

Рассказы

ОСЕНЬ МОЕГО ЛЕТА

Я люблю утро первого сентября. Когда приходит пора идти в школу. Мама с папой всегда осыпают меня подарками. В этот раз они купили мне фонарик и торжественно преподнесли со словами, что ученье — это свет! Папа также вручил набор юного слесаря и сказал такую фразу, что труд сделал из обезьяны человека.

Еще папа купил мне хорошего Шварцнегера — его портрет, где он — с одним выпученным глазом.

— Кумиры есть кумиры,— сказал папа,— надо же курить им фимиам.

А мама — ботинки остроносые, тряпичные, в каких только ходят толстые тети. Я надел, а они оказались пришиты друг к другу суровой ниткой. Папа разрезал нитку ножницами и сказал:

— Ну, широким шагом в пятый класс!

Тут вдруг выяснилось, что мама не удлинила мне школьные брюки. И за минуту до выхода я стоял у

Пусть школа для нас будет розницей дачи

двери, как говорится, в «брючках дудочкой и по колено». Плюс ослепительно-белая рубашка с желтым пятном на груди. Это мой родной двоюродный брат Рома вечно все испакостит, а потом мне дает.

Носки у меня полосатые, как у клоуна, хотя мой любимый цвет серый, черный и коричневый.

— Черт, что ж это несчастья все меня преследуют? — говорю я.

— Да ладно тебе, — говорит папа, — на одежду внимание обращать! Не мужское это дело. И дал мне букет увядших георгин — он их заблаговременно приобрел позавчера. И как раз сегодня они завяли.

— Ну и ну, — говорю, — у тебя, пап, я вижу, нервов нету. Оказался бы на моем месте.

— Нет, — сказал папа, — не хочу я на твоём месте, не хочу быть десятилетним. Подростал-подростал...

Один Кит меня понимает. Он, конечно, отправился вместе с нами.

У подъезда нас ждал Рубен. Его папа Армен вообще не купил никакого букета, поэтому Рубен нес в подарок учителю чучело ежа.

— Он жил-жил, — решил объясниться Рубен, чтоб никто не подумал, что это он его уколошил, — жил-жил, а потом состарился и умер. Своей смертью.

— Ну, Рубен, — говорит моя мама, — замолчи, не терзай нам сердце.

А Кит страшно разволновался, увидев ежа. Он, наверное, подумал, что еж — это кошка. Он всех кошек гоняет, охотится. Наверное, думает, что это соболи или хорьки. Рубен говорит:

— Андрюха! У тебя ботинки как у Ломоносова. Ломоносов идет в школу учиться.

У Рубена хорошо с ботинками, его мама любит ходить в обувной магазин. А моя мама не любит. Она говорит:

— Я не создана для того, чтобы ходить в обувной магазин.

— А для чего же ты создана? — спрашиваем мы с папой.

— А ни для чего! — отвечает она. — Меня ни для чего невозможно приспособить.

Идем. Тучи разогнало, солнце золотое, небо синее-синее. Как я люблю праздник Первого сентября! На школьном дворе играет веселая музыка — так дух поднимает! Старые лысые десятиклассники жмут друг другу руки. Все наши в сборе — Вадик Хруль, Сеня — узенькие глазки, Фалилеев, который в любую непогоду ходит без шапки в расстегнутой куртке. И никто ему не скажет:

«Запахни куртку, Фалилей!»

Все очень раздались вширь, вымахали. Жаль, нас не видит наш учитель по физкультуре. Это был настоящий учитель. Он так многому нас научил. От него мы узнали, что лучший в мире запах — это запах спортзала. А самая лучшая радость — это радость мышечная. Самая большая мечта у него была — пройти вместе с классом по Красной площади: все с лентами, флагами, обручами, впереди он в широких белых штанах, в майке, а на груди написано «Динамо», и его воспитанники сзади идут. В этом году он бросил школу и ушел в рэкетеры.

Остальные все в сборе наши любимые учителя.

Трудовик Витя Паничкин в черном костюме. Рукава прикрывают его мозолистые кисти рук. Он всю жизнь полирует указки. Сам и вытачивает, и обтачивает, и шлифует. О его жизни мы знаем очень мало. Знаем только одно: когда Вите проверили ультразвуком сердце, у него сердце оказалось как высушенный лимон.

Виталий Павлович по русскому и литературе. Учитель, что называется, от Бога, весь в черных волосиках с головы до пят. Возит нас каждый год на экскурсию на Лобное место. Чтобы мы знали и любили историю нашей страны.

Что это там за маленькая клетчатая тетечка? А, это англичанка!

— Уйдите с собакой! — кричит она моей маме с Китом. — Дети и собака — вещи несовместные! Как гении и злодейство!

Она добрая, но строгая и очень некультурная. «The table, the table», а сама в носу ковыряет. Весь нос искрутила. А все на нее серьезно смотрят. И в кабинете английском всегда чем-то пахнет — то ли кислым арбузом, то ли тухлым помидором. Невозможно сидеть! А она окно не открывает, хотя на улице теплынь...

Люблю праздник Первого сентября! Море цветов, чучело ежа... Приветственные речи!

— Дорогие дети! Пусть школа будет для нас родным домом.

— Дорогие родители! Ваши дети в надежных руках!

— Дорогие первоклассники! Сейчас звонок зазвучит, смолкнут голоса, и у вас, малыши, начнется жизни новая полоса!

— Дорогие взрослые! Вы знаете, какое сейчас напряжение с вещами! Могут войти посторонние и украсть вещи ваших детей.

— Счастья вам, дорогие друзья!

— Хорошо, да? — спрашивает у меня папа.

— Очень хорошо, — говорю я ему.

— Но вообще-то ты рад, — говорит он, — что мы тебя родили?

— Конечно, — отвечаю, — я вам так за это благодарен.

— Не стоит благодарности, — великодушно говорит папа.

И тут я не выдержал и заплакал.

— Ты что? — все меня стали спрашивать. — Чего ты???

А я плакал то, что кончилось лето.

КРОКОДИЛ

Я и Рубен — мы всё время смеёмся. Нам, когда мы с ним вместе, ужасно хохотать хочется.

— Вот и дружите всегда и не ссорьтесь,— сказал нам наш классный руководитель Сергей Анатольевич.— Станете такие два старичка — «ха-ха-ха» да «хи-хи-хи» — надо всем заливаться. А сейчас,— говорит,— у меня к нашему третьему «Г» серьезное дело. Будем выдвигать кандидатов в пионеры. И не просто выдвигать, а приводить причину почему.

Рубен выдвинул меня. Если б он меня не выдвинул, то бы и я его не выдвинул. Так что он меня выдвинул.

Я выдвигаю Андрюху Антонова,— сказал Рубен,— за то, что он редко дерётся, средне учится и не обижает маленьких детей.

Я покраснел и стал улыбаться.

— Кто «за»? — весело спросил Сергей Анатольевич.

Косолруков говорит:

— Я против. Я Андрюху давно знаю, мы с ним ходили в один детский сад. У него есть отдельные недостатки.

— Нет у него недостатков,— угрожающе сказал Рубен.

— У Андрюхи недостатков хоть пруд пруди,— не дрогнул Косолруков.

Трудно Косолрукову не вести себя самодовольно. Он везде первый — и в учёбе, и в труде. Он даже вёл записи, кто первый ученик класса, кто второй... И себя везде ставил первым.

— Объяснись,— попросил Косолрукова Сергей Анатольевич.

Стояла ранняя весна. Сергей Анатольевич начиная с апреля ходил в сандалиях на босу ногу. На выдвижение в пионеры явился он в новых брюках — прямо из ателье. Брюки Сергея Анатольевича оглушительно шуршали, стояли колом, кругом оттопыривались ложные карманы! А на спинке учительского стула висела тряпичная сумка в цветок, откуда выглядывали старые брюки Сергея Анатольевича — голубые, сто раз залатанные и зашитые его мамой.

— Дело прошлое,— сказал Косолруков.— Когда нас с Антоновым сдали в младшую группу, он сразу оторвался от масс.

— Как это ему удалось? — удивился Сергей Анатольевич.

— А он удрал! — говорит Косолруков.— Главное, несётся по улице. За ним нянечки, воспитательница, врачиха, мама Андрюхина, Андрюхин папа! А он бежит и отстреливается!..

— Не понял,— сказал Сергей Анатольевич.

— У него был игрушечный пулемёт! — вскричал Рубен, чувствуя, что Сергей Анатольевич подумал, что я уложил на месте штук десять нянечек, воспитательницу, родную мать с отцом и единственную на три детских сада медсестру.

— Факт остаётся фактом,— сказал Косолруков.— Антонов всё детство не расставался с пулемётом. И мне записку прислал с ошибками в каждом слове: «Гитлер! Надо нам побольше солдат! Целую, Геринг!»

— Ну, брат,— сказал Сергей Анатольевич,— за давностью лет это дело Антонову простится.

Я посмотрел на него, а он на меня. У него было такое настроение хорошее. Жёлтый куртончик — коротенький, как у матадора, заплатка на локте, очень ровно подстриженная чёлка.

Помню, я в первом классе залез на гору в овраге, а слезть не мог. Тогда он залез туда тоже и сказал: «Пошли, не бойся! Ведь у нас с тобой четыре ноги!»

— Но это не всё,— говорит Косолруков.— Антонов яйца красит и празднует Пасху. А октябрятам нельзя справлять Пасху, так как это не ленинский праздник.

— И правда,— вдруг согласился Сергей Анатольевич.— Пускай Антонов пообещает, что он больше не будет красить яйца.

Первое, что я хотел,— это пообещать. Что может быть проще — пообещать не красить яйца! Но тут я вспомнил, как мы с папой красим их в кастрюльке с кипятком в луковой кожуре. Мы их опускаем

туда белыми, похожими на зиму и снег. А вытаскиваем — рыжие.

«Рыжие яйца, — говорит папа, — олицетворяют жизнь и весну!»

— А я видел во сне Бога, — сказал Рубен, пока я раздумывал, обещать бросить красить яйца или нет.

Тут все к Рубену стали приставать, где он его видел — дома или на улице?

— На улице, — отвечал Рубен. — Мне все сны снятся на улице.

— А какой он? — спросил Сергей Анатольевич.

— Настоящий армянин, — ответил Рубен.

Вопрос о яйцах оставался открытым.

— Да ну их, эти яйца! — сказал Сергей Анатольевич.

Он понял, как я хочу вступить в пионеры. И как не хочу отречься от яиц.

— Тем более, — вскричал Рубен, — что Андрюха, когда помойку выносит, всегда скорлупу складывает в отдельное ведро! Ведь это кальций, полезный свиньям! Видите, он какой — думает и заботится о свиньях, которых даже никогда не видел и, может быть, даже не увидит!

— Зато он на бабушку с балкона... — крикнул Косолруков, — сбросил мыльницу с мылом!!

— Андрюха не нарочно! — вскричал Рубен. — Он пускал мыльные пузыри! Мыльница сама свалилась на бабушку, не причинив ей никакого вреда!..

— Нет, причинив! Мыльная пена, наверно, попала старушке в глаз, и ей его защипало!!! — кричал Косолруков, а из ушей у него вылетали кукушки.

Гвалт стоял невообразимый. Рубен превозносил меня до небес. Косолруков же изо всех сил напирал на мои недостатки. Он сказал, что я жмот, что я непунктуальный — везде опаздываю и никого не уважаю, а мой папа, оказывается, заявил папе Косолрукова, что я — это надругательство над его мечтой о ребёнке.

Я хотел ответить, что и у Косолрукова есть один недостаток: он преклоняется перед иностранными ручками. Он мне сам говорил, что у них в шариковых ручках стержни лучше! А я ему дал отпор, что зато у нас лучше, чем у них, чеснок!..

— Люди! — взмолился Сергей Анатольевич.— Если мы каждого так будем обсуждать, то в какой-нибудь тевтонский орден вступить и то легче, чем в пионеры!

— Каждого,— сказал серьёзный Косолруков. (А у самого такие малиновые уши!)— Разве из Антонова выйдет пионер, если он боится крокодила?

— Какого крокодила??? — спрашивает Сергей Анатольевич.

Тут наступила тишина. И если клоп прошёлся бы по классу, то были бы слышны его шаги.

Дурак я рассказал Косолрукову. Я ведь не знал, что он растрезвонит. Я сразу так себя почувствовал, как будто наелся до отвала ненавистными пельменями. Да ещё пять сосисок дали на сверххосыточку.

Тогда я встал и сказал:

— Боюсь, я не подхожу в пионеры. У меня дома под кроватью лежит крокодил. И я боюсь ночью руку свесить или ногу. Боюсь, он мне что-нибудь отхряпает.